

(Окончание)

НАЗАД В КРАСНОДАР

«...Все прошлое я вновь перебираю, один в тиши ночной».

Сначала жили мы с Мишей в его маленькой комнатке — 8 квадратных метров, на Коммунаров, 104. Я пришла к нему со свадебного вечера, который был у родителей, с одной зубной щеткой. Утром я взяла свои наряды, и все. Потом у нас в этой комнате стояли большая кровать, маленькая кровать для Алика (сына), пианино, стол, стулья, этажерка с книгами, печь-буржуйка, около нее немного дров, вешалка. И вот в этой комнате мы умудрялись устраивать концерты. Володя Запольский хорошо играл, мы с Верой (Щербина) пели, еще и публика была. Даже не представляю, как мы все помещались.

Потом освободилась рядом комната в 7 квадратных метров, и нам ее дали. Некоторое время спустя я обменяла нашу квартирку на большую, чудную, в доме с родителями по Янковского, 24, на втором

этаже (сейчас там поликлиника). Одна огромная комната, четыре окна и балкон, стены покрашены зеленой масляной краской, лепные потолки, печь изразцовая; и другая поменьше, 14 метров. Я очень любила свою квартиру, а Миша никак не хотел меняться, даже не знаю почему. Я все оформила и перевезла мебель сама, когда он был в институте. Миша пришел с работы — никого нет, пошел к маме и спрашивает: «Мама, а где моя семья?» Так дома все смеялись.

Ну тут, в новой квартире, я развернулась. Какие вечера были! Образовалась новая компания: Кузнецовы (Иван Алексеевич Кузнецов — папин старейший друг и однокурсник с дореволюционных лет по учебе в Персиановском сельскохозяйственном училище, после войны директор КСХИ. — Т. С.), Рябченко, Бучинские, Щупаковские (преподаватели, впоследствии завкафедрами КСХИ, ученые. — Т. С.). Мы стали часто бывать в Доме ученых. Все праздники, Новый год мы проводили там. Танцевала до упаду. Мы с Мишей посещали все концерты, спектакли. Регулярно, каждое воскресенье мы ходили на утренние спектакли с мамой. Мама очень любила театр.

В 1933 году я поступила в Краснодарскую филармонию. Несколько раз ставили «Запорожец за Дунаем», пела на концертах. (По маминым рассказам, весь репертуар подвергался строгой цензуре. Сохранился репертуарный лист, утвержденный горлит 23 октября 1933 г. Из 27 представленных вещей 13 вычеркнуты красными чернилами, причем непонятно почему. Логика нет никакой, зачеркнуты и романсы, и народные песни, и пара вещей на современную тему. Мама вспоминала, как однажды, она отстала арию Тоски из оперы Пуччини «Тоска». Цензор спросил: «Что это за тоска такая?». Мама отвечает, что это не тоска, а имя героини «Тоска». Он в ответ: «Ах, так вы еще учить меня будете, я сейчас все перечеркну». — Т. С.).

Однако концерты давались не регулярно. Утром приходишь в филармонию, ждешь, пока появятся заявки, возможно, вечером концерт. Ни дома, ни на работе. Под праздник бывало по 2-3-4 концерта за вечер, а потом опять ничего. Надоела мне такая волюнка, и я решила переквалифицироваться.

В 1935 году, по совету брата Александра, увлеченного изучением языков, поступила на 4-годичные педагогические курсы иностранных языков, которые, как нам сказали вначале, приравнивались к институту. На английское отделение. Мне давно хотелось хорошо знать английский язык. Училась успешно, в середине учебы родилась Танечка, окончила курсы в срок, в 1938 году. Работать я не хотела, думала, так, для общего развития. После выпускного бала я сейчас же поехала в Москву.

Я каждый год ездила в Москву, скучала по ней или ездила просто по какой-нибудь прихоти, то бидон для молока нужен (их было не достать в Краснодаре), то еще что-нибудь. А однажды, много лет спустя, сижу я у телевизора и смотрю — танцует Плисецкая в «Жизели». Меня так поразили ее руки, и так захотелось ее увидеть, что утром я взяла билет на самолет и в тот же вечер уже смотрела «Жизель» с участием М. Плисецкой во Дворце Съездов.

Так вот, возвращаюсь домой из Москвы, а на столе у меня назначение в школу № 43 на Дубин-

ке преподавателем английского языка в шестые и пятые классы. Я, конечно, в отдел народного образования, — отказываюсь. У меня семья, маленький ребенок. И слушать не стали. Идите работать, а тогда преподавателей английского языка было очень мало. И я пошла, вернее поехала. Это было далеко от дома. Бывало, снег занесет рельсы, иду пешком целый час.

Мне дали сразу полторы ставки — 24 часа и классное руководство. Это было очень нелегко. Но спасал чудесный коллектив. Сначала некоторые завидовали и вслух высказывались. Был период безработицы, и многие учителя имели педнагрузку всего несколько часов. Но историк, географ не может же преподавать английский язык, ну и смирились. Подружились. Директор у нас был изумительный человек, бывший капитан морского флота. Между первой и второй сменой соберет нас, объявит, что надо, сообщит, что кому сделать — 15 — 20 минут и все. Четко, ясно, вежливо. До сих пор вспоминаю с удовольствием работу с ним. (В Госархиве я разыскала фамилию директора. Это Ушмаров Валентин Михайлович, преподаватель истории, окончивший Ростовский Комвуз. — Т. С.).

А работа моя в школе началась с казуса. Я приготовилась по расписанию идти в 5 «А» класс, подготовила лекцию, карту взяла, журнал, иду по звонку. Вдруг бежит завуч: «А. В., идите в другой класс, там никого нет. Займите, чем хотите, проведите час с ними, а в ваш уже пошли». Я прихожу в этот класс и не знаю, с чего начать. Как-то я растерялась, ничего ж не успела продумать. Вхожу. Тишина. Поздоровалась, объяснила, почему пришла я. Поднимается рука: «А какие книжки надо купить? — «Не знаю». «А сколько тетрадей надо купить?» — « Не знаю». Мало-помалу начинается шум, смешки. Как я довела урок, не помню, но только этот класс у меня был самый отстающий и недисциплинированный.

Остальные классы шли прекрасно. Почти с первого урока мы начали писать каждый день диктанты, вела я уроки только на английском языке, ни слова по-русски. (Так было всегда — и в школах, и в институтах. — Т.С.). Успеваемость была 100-про-

центной, и почти все пятерки. Из города очень часто приезжали всякие комиссии, не верили, что это возможно.

В школе я проработала год, потом директора пригласили в пединститут, и он меня туда забрал. В пединституте (ранее учительском), я тоже работала с удовольствием с 1939 по 1942 год, кафедра была хорошая.

А немного раньше, в 1937 году, дома у нас произошло следующее событие. Папа уже не работал, был на пенсии. Он носил длинные усы, как у Тараса Шевченко. И вот домком донес на папу, что якобы он генерал, а теперь скрывается. Это были тяжелые годы доносов, арестов. И ничего не чувствуешь за собой, а трясешься. «У него усы генеральские» и все. Папу арестовали и посадили в тюрьму. Нужно было доказать, что никогда он не был генералом, а всю жизнь работал бухгалтером. Начали отовсюду запрашивать справки, где он работал по разным городам. Это тянулось долго. Когда собрали все, выпустили его из тюрьмы, извинились, заплатили пенсию.

Вышел он через год страшно худым. Тюрьму он стал называть своим университетом и, вспоминая ее, всегда говорил: «А вот у нас в университете...»

Жили мы с Мишей очень хорошо. Муж был уважаемым человеком. Добрый, честный, прямой, интеллигентный, очень эрудированный. На его лекции часто приходили профессора. О нем много писали в газетах, отчего он злился. Мы с ним жили очень интересно. Стали постоянными членами Дома ученых. Тогда Дом ученых процветал, возглавлял его профессор С. И. Борчевский, страстный любитель музыки, виолончелист. Имелся чудесный симфонический оркестр под управлением Бориса Петровича Цинкаловского. Он устраивал концерты и дома (жил на ул. Советской), собирал квартет, под который и я пела. Не говорю уже о наших домашних концертах. Все инструментальщики хотели петь со мной отдельно, то скрипка, то виолончель, а с оркестром я пела все время.

(Много лет спустя, когда я тоже стала работать в науке, я разговорилась с профессором-плодоводом Г. Трусевичем. И он неожиданно сказал, что прекрасно помнит мою маму, как она великолепно

пела на вечерах в Доме ученых до войны. Потом мне говорили об этом неоднократно. Как приятно было это слышать, тем более что с того времени прошло более полувека, — Т. С.).

...А какие у меня были наряды. Ни одно из платьев, в которых я выступала на концертах в Доме ученых, не повторялось, — то розовое крепдешиновое, все расшитое стеклярусом и серыми шелковыми нитками, то сплошные белые кружева, то желтое шелковое с песком белым, то черное креп-сатиновое (тогда очень модное), и т. д. Все платья, конечно, длинные.

ВОЙНА

Незадолго до войны от сердечного приступа умер папа, он очень много курил. Все три хлопца: Александр, Вячеслав, Георгий — находились в военных лагерях, оттуда их сразу забрали на фронт. Александр стал главным переводчиком в штабе Южного фронта в Крыму. Он знал немецкий, английских и много южных языков. В Крыму в 1942 году он погиб.

Славочка был сильно ранен в 1943 году. Это случилось по пути из штаба, где только что ему вручили второй орден (Красной Звезды). Он был командиром артиллерийской батареи, отбившей атаку из одиннадцати немецких танков. Воевал на Кубани. Его так сильно ранило взрывной волной, что весь остаток войны он провел в бесчисленных операциях (около сорока), в госпиталях. От осколков и умер в 1978 году. Добрый был человек, хороший, бескорыстный.

Жора на войне был шофером, добрался до Берлина. Ему повезло больше всех, ни разу не был ранен. Вернулся он домой здоровый, с боевыми медалями, однако по возвращении сразу же заболел язвой желудка, от которой страдал всю жизнь.

(Когда началась война, мама сразу же хотела идти на фронт. Эта мысль не оставляла ее и накануне оккупации, она буквально рвалась на войну, защищать страну. А кто останется с детьми и больной бабушкой? Папа? Его эвакуировали пешим ходом с институтом, под бомбами, через Баку в

Самарканд, куда нам, детям, и больной бабушке было не дойти. Мама понимала, что если с нами в оккупированном немцами городе останется папа, то ему после окончания войны педагогом больше не работать. Разум в конце концов победил, и мама осталась с нами. Бабушка через месяц умерла.

Спустя пять лет после войны, в 1950 году, только за нахождение – не работу – на оккупированной немцами территории мама вместе с другими такими же педагогами и профессорами была уволена из Краснодарского института пищевой промышленности (КИППа). Через шесть лет, в 1956 году, мама после работы в школе вернулась в институт на свою кафедру иностранных языков. Многие профессора, оскорбленные недоверием и подозрением, в институт не вернулись. – Т. С.).

ОККУПАЦИЯ, АВГУСТ 1942 ГОДА

...Я наблюдала из окна своей квартиры, как входили немецкие танки по ул. Гоголя. Все мы закрыли двери, калитки. Прожили несколько дней и начали выползать. На столбах повешенные с надписями на груди: «Я партизан», «Я украл» и т. д. Все закрыто, конечно, ни работающих магазинов, ни учреждений. Все мертво. Начались облавы, когда люди стали выходить на рынки. Надо ж питаться.

Одна облава мне запомнилась на всю жизнь. У меня, да и у всех, были бесконечные обыски. Все, что им нравилось, они забирали. А у Клавдии Ивановны Р. почему-то не забирали. Она поговорит с ними по-немецки, они на нее «профессор, профессор» и не брали ничего. Клавдия Ивановна и говорит: «Давайте ваш джем поставим в мою кладовку». Я и поставила. И вот 10 ноября, когда Алюсик (сын) был именинник, я говорю: «Пойди к Клавдии Ивановне и возьми джем, я устраю вам именины». Он побежал. Клавдия Ивановна жила недалеко от нас, рядом с рынком. А в это время на рынке началась облава. Немцы забирали всех, кто был там и вокруг,

гнали за город, убивали и во рвы закапывали. Вера (Щербина-Алабина. – Т. С.) сама видела, как валялись сумки и корзины около рвов за горпарком.

Я думала, что сойду с ума. Что делать? Идти туда? И меня заберут. Ждать? Эти минуты меня и сейчас в дрожь бросают. Смотрю, Алик бежит, еле выбрался.

А жить надо, детей кормить надо. И вот началась добыча пищи. Хорошо, что у нас с Мишей было три огорода – один в учхозе КСХИ, другой около Елизаветинской (в 10 км от города) и за Энемом (от пединститута, где я работала до войны). Добираться надо было пешком, никакой транспорт не ходил. Спасибо Ирине Рядновой и Коле Снитко (впоследствии известные ученые-селекционеры, плодоводы. – Т. С.), они дали мне подводку с лошадью, и я выкопала в огороде полный воз сладкой свеклы. Это было такое богатство. Я напеку в духовке, она сладкая-сладкая, дети обожали. (Мама не представляла тогда, как эта свекла мне надоела, как еще многие годы после войны я не переносила этот приторный сладкий запах. – Т. С.). А потом я эту лошадь всю ночь стерегла, чтоб утром доставить в учхоз.

Под пулями ходила по огородам, собирала урожай. Это было мое спасение: кукуруза, фасоль, семечки. А на дальнем (10 км) росли кабаки, арбузы. Пойдем компанией, все ж тяжелое. Я наберу мешок, перевяжу посредине, на животе подлезу, встану и 10 километров отмахиваю. Я никогда не останавливалась, компания молит: «Давай отдохнем». А я не могла, знала, если сяду, то уже больше не встану. Пули донимали нас особенно в этом елизаветинском направлении.

Грустный инцидент произошел у нас с Верой. За Энемом наши огороды были рядом. Там мы в основном сажали лиму. Тогда это была модная культура, очень вкусная. Нет, не соя – лима. Пошли мы с ней посмотреть, поспела ли? Приходим, ее так много, зрелая. Такая чудная. Мы пошли домой, на другой день достали тачку и поехали. Приехали, а она снята вся, до одного колоска. Мы поплакали и уехали.

Каждый вечер мы собирались у меня. Я нажарю семечек полную сковороду, полумрак (ни света, ни керосина для ламп не было), и мы, компания девчат, у печки. Все новости переговорим, строим планы на следующий день.

(Мама не знала, что во время походов по огородам ее сын с мальчишками носился по городу и по мере сил вредил оккупантам — немцам и румынам: сливал бензин из машин и мотоциклов на землю, откручивал гайки в машинах и т.д. Если бы попались, то неизвестно, чем все бы кончилось. А вообще мой брат по мере сил помогал маме, продавал старые довоенные газеты, которых в нашем доме всегда были кипы, для упаковки и водопроводную воду из чайника на базаре. По примеру других ребят чистил обувь на улицах, сам сделал для этого специальный ящичек. Было ему тогда... 11 лет. — Т. С.)

Проблема собственного сырья частично разрешилась, но нужно добывать еще хлеб, жиры. И вот мы стали мешочниками. Наберем вещей для обмена и двигаем пешком по станицам, за 30 — 40 километров, а иногда и дальше. Один раз мы с Машей (невестка, жена брата Георгия, у которой было тоже двое детей. — Т. С.) зашли очень далеко. Набрали хорошо, по полмешка пшеницы, полмешка кукурузы, ячменя. Что давали, все брали, и оказался весь груз неподъемным. Как добраться домой с мешками? Иногда поезда до Краснодара ходили. Набьется народ в товарный вагон и сидит, ждет — авось доедут. Случалось, немцы довозили, а иногда прикладами выгоняли из вагонов. Так и сидели, ждали счастливого случая.

Вот и мы сидели на платформе полдня. Ничего нет. Тогда мы с Машей стали перетаскивать мешки на дорогу, а мешки тяжелые, мы волоком перетаскивали по одному мешку метров на десять, затем назад за следующей партией. Чтоб с таким багажом добраться пешком, как обычно, не могло быть и речи. «Очи завидушие, руки загребушие». А чтобы что-нибудь оставить — куда там! Так мы таскали, таскали — нигде, ничего.

Наступила ночь. Мы опять перетаскивали мешки на перрон. Сложили все в одну кучку, обняли ее,

чтоб никто не вытянул ничего, и заснули. Одеты мы были в летние сарафаны и босоножки. Пропали ночь, как убитые. Утром просыпаемся, а мы покрыты снегом. Все мокрое, дрожим. Я в панике, и одна только Маша могла утешить, подбодрить. Начала меня тормошить, петь, танцевать. Тут, на счастье, появился поезд, надо ж со всем багажом втиснуться в вагон. Влезли, и поезд поехал. Приехали в Краснодар в три часа ночи. Как добраться домой? Сложили опять все в кучу, я села, как квочка, на нее, а Маша пошла по задворкам домой за помощью. Кругом патрули. Через два часа привела подмогу, и мы так же, задворками, пришли домой.

А еще как-то Маша достала подводу туда и обратно и меня взяла с собой. Отъехали километров 10 — 20, и вдруг налет на город. Девятка за девяткой и видно, как бомбы падают на город. Там дети. Выбор страшный. Я бегу, как сумасшедшая, домой, а Маша меня не пускает. Такой редкий случай, лошади есть. Говорит: «Шура без тебя их спрячет». (Шура — невестка, жена другого младшего брата, Вячеслава. — Т. С.). Так мы и уехали дальше, у нас все обошлось.

С Машей очень хорошо ходить, хорошо было ходить и с Шурой, и с Верой...

На этом дневник-воспоминание моей мамы Анны Васильевны Евтушенко-Поляковой, названный ею «Хроника семейной жизни», обрывается. Тяжелая болезнь не дала его закончить. Сил больше не было. С каждой страницей рука все больше слабела, сидя мама писать уже не могла, а лежа шариковой ручкой, как известно, не напишешь. Я предложила писать в кровати карандашом, но мама наотрез отказалась. Сказала: «Писать карандашом неприлично». «Подумаешь, неприлично, Николай Островский писал, и ничего, мы тебе и трафарет сделаем», — возразила я. «Нет», — был твердый ответ. Как жаль!

Жаль, что не успела закончить, пока была здорова: многие воспоминания об оккупации и послевоенном времени остались не записаны. Прожив всю жизнь рядом с мамой, я, конечно, многое

помню из ее рассказов, но разве все мне известно?

Помню окончание оккупации, как подло поступили льстивые румыны, жившие в нашем доме, которые при отходе, среди ночи, когда все спали, подожгли наш дом по ул. Янковского, 24, как в панике многие прыгали со второго этажа. Мама же, вместо того чтобы спасти необходимые вещи, тепло одела нас с братом, взяла шеститомник юбилейного издания А. С. Пушкина 1937 года, старинный дедов подсвечник, медный таз для купанья и ...все. Все мы спустились со второго этажа и стали ждать, когда огонь подобрется к нашему подъезду. Спасибо моим тетям Шуре и Марусе, которые прибежали (жили недалеко), накричали на маму, и вынесли необходимую для жизни мебель, в том числе и рояль. Это со второго этажа! Как они только смогли? А прекрасная библиотека, конечно, погибла.

После освобождения Краснодара мама вместе с тысячами других женщин рыла окопы за городом. Сохранилось мобилизационное предписание от 14 апреля 1943 года, по которому мама должна была являться на призывной пункт, имея при себе лопату, кирку, носилки и продукты. За уклонение от работ – привлечение к суду военного трибунала.

Разве можно забыть страшные бомбежки и свист падающих бомб? Этот гул преследовал меня по ночам многие годы.

А чего стоил ее визит к Первому секретарю крайкома КПСС Николаю Григорьевичу Игнатову в 1950 году. Попасть к нему на прием было очень трудно, почти невозможно. В поисках правды, когда ее несправедливо уволили из института, она дошла до Первого секретаря, хотя многие отговаривали ее от этого шага. Они встретились, долго беседовали. В конце концов Игнатов признался, что маму уволили не по сокращению штата, как написано в приказе, а за то, что была в оккупации. Это ведь официально скрывалось от народа. Сказал, что пока он не в силах что-нибудь сделать. С тем и расстались. Но ушла мама от него с чувством удовлетворения, что добилась встречи и высказала Николаю Григорьевичу все, что у нее было на душе.

Мама в числе первых в СССР совершила круиз вокруг Европы на теплоходе «Грузия» в 1958 году, вела дневник. Приехала, переполненная впечатлениями от увиденного, но когда маме предложили написать статью в газете с критикой капиталистического мира (а контрастов в их жизни было достаточно, особенно в бедных тогда Греции и Турции), наотрез отказалась. Сказала: «Я ездила туда не за тем, я не высматривала людей на помойках».

До конца жизни мама оставалась несокрушимой оптимисткой, жизнерадостной, с гордой походкой и прямой спиной. Занималась физкультурой на стадионе «Динамо», воспитывала трех внуков, готовила обеды для всей нашей большой семьи, в туристических поездках объездила полстраны (побывала даже на о. Диксон). Но, главное, продолжала давать домашние сольные концерты под аккомпанемент своей подруги по музыкальному училищу, с которой дружила более пятидесяти лет, – Рипсимэ Хугасовны Эргановой. Умерла мама на восьмидесятом году жизни в 1982 году.

В жизни она всегда следовала своему девизу: «Ты только верь в себя, и жизнь возьмешь ты с боя». ■